

Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

ПАРАДНЫЙ УБОР ЖИТЕЛЬНИЦЫ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ДОРОСА(по находкам из Тешкли-бурунского клада Мангупского городища)¹

Среди находок, характеризующих женский парадный костюм раннесредневекового населения Юго-Западного Крыма, особого внимания заслуживают предметы, найденные А. Г. Герценым в 1978 г. на плато Мангуп на мысе Тешкли-Бурун в составе клада (рис. 1), зарытого на краю обрыва возле угла разрушенного дома у тыльной стороны северо-западной куртины цитадели [10, с. 262; 11, с. 134-135].

Тешкли-бурунский клад хранится в фондах Центрального музея Тавриды (г. Симферополь). Он экспонировался на выставках «От тысячелетия к тысячелетию. Сокровища и народы Черного моря» (г. Милан, 1995 г.), «Археология Черного моря. Крым в эпоху великих вторжений IV-VIII вв.» (г. Кан, 1997 г.) и «Неизвестный Крым» (г. Хайдельберг, 1999 г.), в каталогах которых опубликован [58, р. 196-197; 57, р. 84, not. 137; 54, S. 151, Abb. 169]. В предлагаемой статье, наряду с подробной характеристикой предметов — их атрибуцией, датировкой и выявлением круга аналогий, предлагаются варианты реконструкции парадного убора, включавшего украшения из клада.

Характеристика предметов из клада

Золотой крест (рис. 1, 3, 3a) с расширяющимися, слегка раздваивающимися концами сделан в виде коробочки, спаянной из пластин (рис. 2, 1), и заполнен внутри светло-желтой пастой. В перекрестии напаяно цилиндрическое гнездо, в котором укреплен полусферический красный камень. Лицевая сторона покрыта гравировкой из расходящихся косых линий, имитирующих растительный орнамент (рис. 1, 3; 2, 1). Петелька для подвешивания скручена из узкой рифленной пластинки. Размеры креста 2,0x2,9 см. Крест выполнен из золота 900° пробы и весит 3,27 г².

Крест из тешкли-бурунского клада относится к группе золотых византийских крестов конца V — первой половины VII вв., широко распространенных как на территории самой империи, так и в областях, имевших политические и экономические связи с ней (рис. 3; 4) [74, р. 93-94]. Они найдены в Константинополе [70, р. 22, 179, Pl. XXIII, 16; XCVII, H; 42, р. 91, Nr. 87], в Сиро-Палестинском регионе [52, р. 236-237, fig. 293; 44, р. 141; 46, S. 182-183, Kat. 145, 146], на территориях Балканских провинций Византии [66, fig. 23-25; 22, с. 51, рис. 120, 122; 76, S. 171-172, 523, Taf. 8, 9; 126, 2; 67, Abb. 19-21] и на севере Италии [69, S. 83, Taf. 92, 2]. Подобные

¹ Работа подготовлена в рамках фундаментальной темы «Кросс-культурные связи населения Таврики и близлежащих территорий в эпоху средневековья» (0832-2015-0007), утвержденной государственным заданием отделу средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН».

² Проба и вес изделий определены в Южном управлении пробирного надзора государственной пробирной палаты Украины, г. Одесса. Сведения предоставлены Главным хранителем Центрального музея Тавриды Л. Н. Храпуновой и заведующей отделом фондов музея Н. Б. Майко, за что приношу им глубокую благодарность.

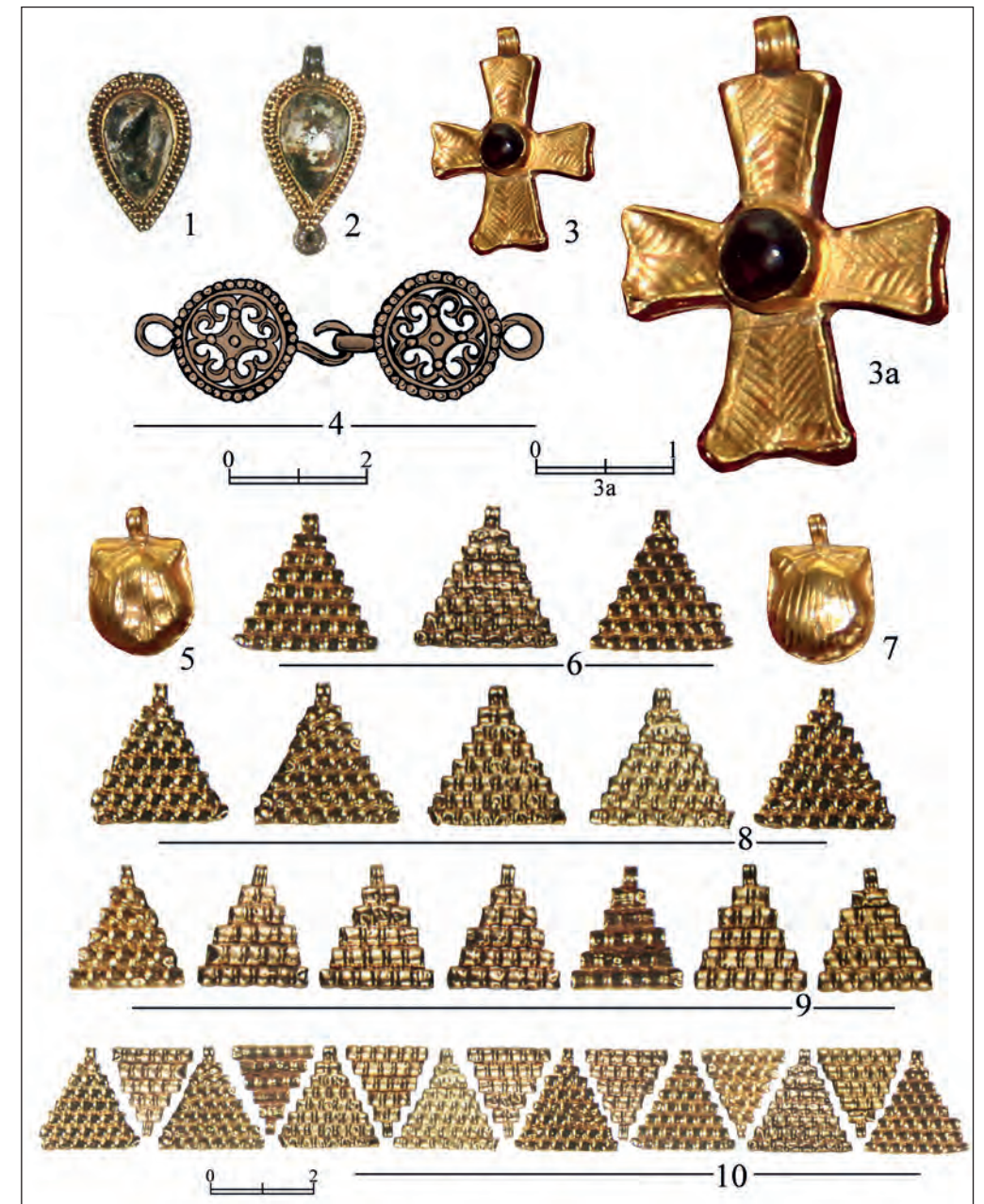

Рис. 1. Тешкли-бурунский клад второй половины VI — первой половины VII вв. 1, 2 — золотые листовидные подвески со стеклянной вставкой; 3, 3a — золотой крест со вставкой из красного камня; 4 — бронзовая застежка для ожерелья; 5, 7 — золотые подвески в форме створки раковины морского гребешка; 6, 8, 9 — золотые бляшки-«городки»; 10 — схема расположения бляшек в украшении [1-9 — по: 58, р. 196-197]

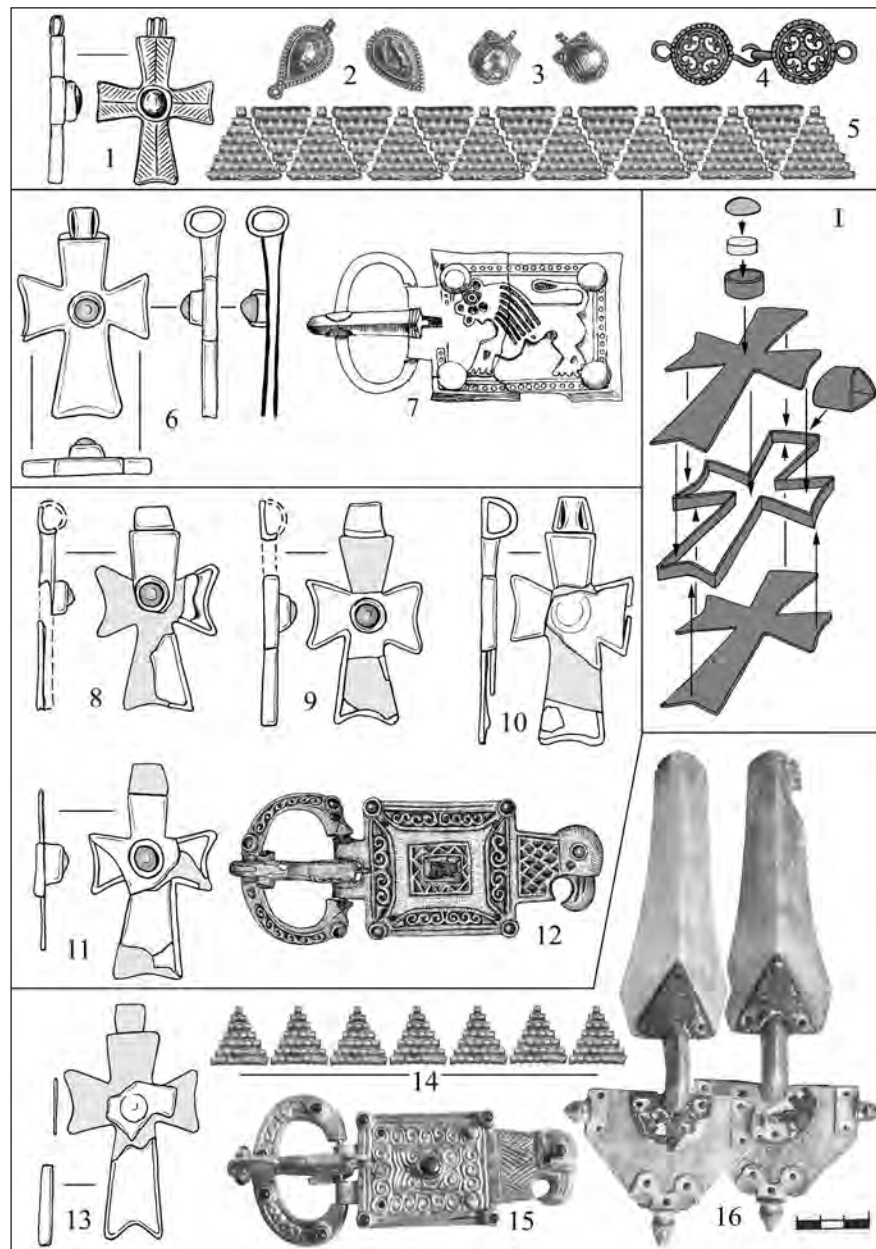

Рис. 2. Кресты из Юго-Западного Крыма с расширяющимися концами, сделанные в виде коробочки, типа 3-1 второй половины VI в., схема их изготовления (I) и сопутствующий инвентарь из погребений. 1-5 — Мангуп, Тешкли-бурунский клад [по: 58, р. 196-197]; 6, 7 — Алония, склеп 2, погребение 3 [по: 27, рис. 14, 48, 65]; 8-16 — Лучистое (8-12 — склеп 207, погребение 5; 13-16 — склеп 268, погребение 8) [рисунки и фото автора]

кресты известны в Северной Италии и в Хорватии среди остготских древностей конца V — первой половины VI вв. [78, Tabl. I, 6; 39, S. 198-204, Taf. 8, 4; 33, 9; 40, p. 204-208, Kat. III, 28t, 29i] и в Абхазии, в погребении второй половины VI — первой половины VII вв. из могильника апсидов у церкви Шапки [8, с. 127, рис. 46, 4; 9, с. 302]. Кресты этого типа сделаны одинаково, в форме коробочки, полый или заполненной белой пастой, но различаются размерами и декором. Встречаются как миниатюрные экземпляры, высота которых не превышает 1,8 см, так и крупные изделия высотой 7,0 см. Некоторые кресты изготовлены с гладкой лицевой стороной, украшенной только красным камнем или стеклянной вставкой в круглом гнезде, напаянном в перекрестии (рис. 3, 13, 14, 16), другие — покрыты узором из зерни и скани (рис. 3, 12, 15, 17-19), реже — эмалью [41, p. 9, fig. 8]. Известны кресты, к ветвям которых подвешены жемчужины (рис. 3, 12, 18; 4, 9).

Маленькие кресты, высотой не более 3,0 см, украшенные, подобно экземпляру из тешкли-бурунского клада, гравировкой из косых линий, обнаружены в Румынии, в Истрии в составе клада VI в. (рис. 4, 5, 6) [66, fig. 23-25; 75, p. 17, 27, fig. 17], а также в Болгарии, Сирии и Турции (рис. 4, 2, 3) [22, с. 51, рис. 122; 47, S. 310-311, Kat. 526, 532; 46, S. 182-183, Kat. 145, 146]. Идентичный крест, место находки которого не известно, хранится в Музее Бенаки в Афинах (рис. 4, 1) [51, p. 498, Kat. 678]. В Венгрии, в аварском могильнике Балатонфюзфё-Самаши, в одной из могил конца VI — первой половины VII вв. найден крест, подобный по форме и декору, но выполненный из серебра (рис. 4, 4) [53, Taf. 38, 1]. К этому ряду аналогий следует добавить три золотых креста, служивших деталями составных подвесок к серьге VI в., хранящейся ныне в Художественном музее Уолтерса (рис. 4, 10) [81, p. 213, Kat. 53]. Декор из косых гравированных линий размещали не только на лицевой стороне крестов, но и на их обороте. Именно так украшены небольшие золотые кресты из коллекций Дамбартона Оукс (рис. 4, 7) [73, p. 14, fig. 12] и Эрмитажа (рис. 4, 8) [13, с. 102-103, kat. 143], а также большой пекторальный крест из художественной галереи Les Enluminures (рис. 4, 9) [74, p. 91-92, Kat. 14a]. Крест, хранящийся в коллекции Эрмитажа и происходящий из Керчи, декорирован красными камнями, вставленными в круглое и каплевидные гнезда, напаянные на лицевой стороне (рис. 4, 8).

Гравировка из косых насечек на крестах имитирует листья аканта, стилизованное изображение которых было популярным декоративным мотивом на византийских изделиях раннесредневекового времени. Кресты с расширяющимися ветвями, покрытыми листьями аканта, встречаются в архитектурном убранстве — на коптской стеле (рис. 4, 14) [59, pl. 37, 2] и на алтарной преграде конца VI — первой половины VII вв., найденной на Кипре (рис. 4, 15, 16) [48, p. 166-167, fig. 7]. На византийских коробочках-реликвариях и медальонах VI-VII вв. (рис. 4, 11-13) представлен крест на фоне стилизованных листьев аканта, переданных кривой гравировкой [73, p. 5-14]. По мнению Дж. Спайера, эти предметы, происходящие из разных регионов империи, выполнены в едином «византийском» стиле, возникшем в самом начале VI в. в Константинополе и существовавшем вплоть до конца VII в. Широкое распространение изделий этого стиля свидетельствует о том, что по всей империи ювелиры последовали за установленной столицей модой [73, p. 13-14].

Золотые византийские кресты, бесспорно, были ювелирными изделиями. Многие из них богато декорированы сканью, зернью и драгоценными камнями, вставленными в гнезда, некоторые покрыты гравировкой. Отдельные экземпляры, судя по их уникальности, делались на заказ. Крест из тешкли-бурунского клада относится к привозной византийской ювелирной продукции. Одновременно в Юго-За-

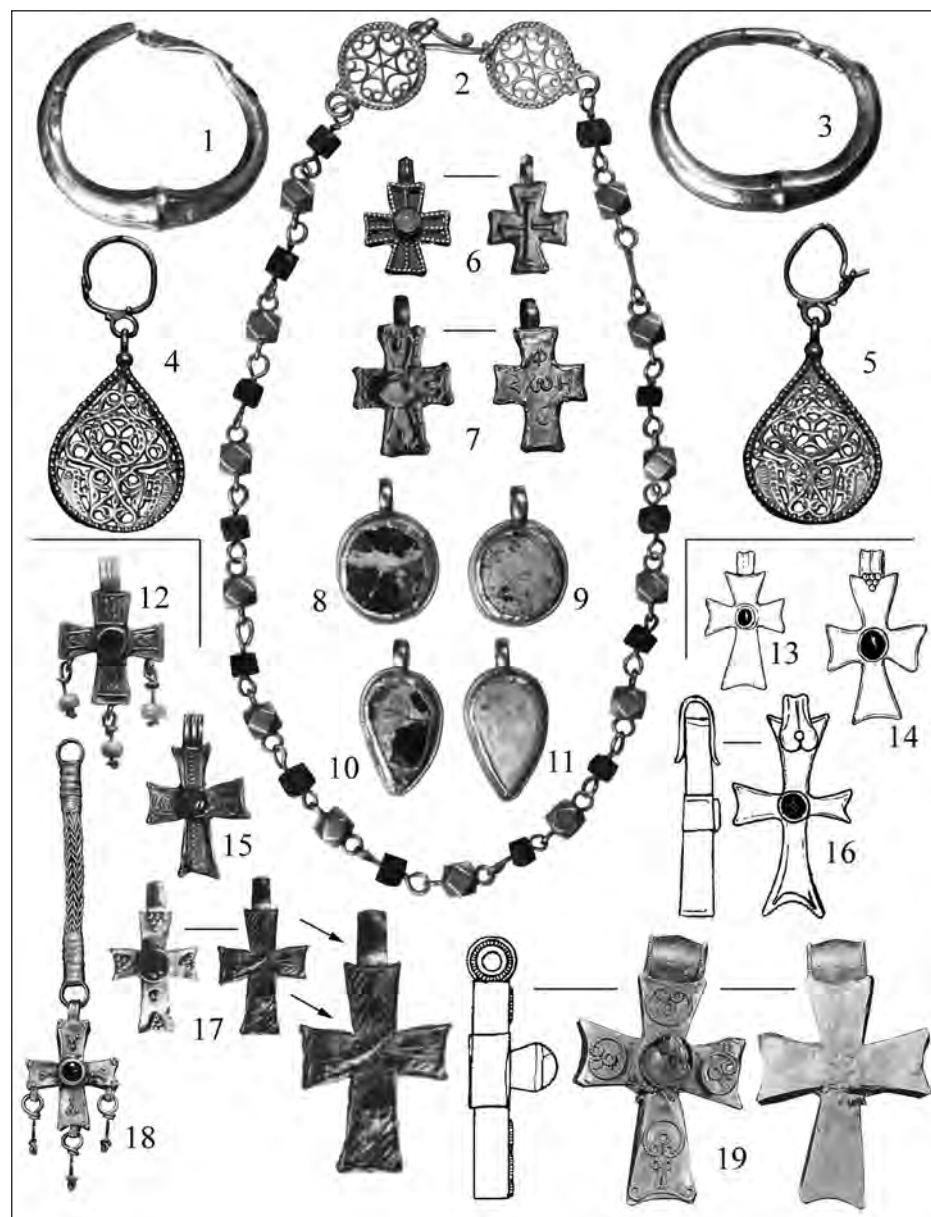

Рис. 3. Византийские золотые кресты с расширяющимися концами, сделанные в виде коробочки, и украшения VI-VII вв.
 1-11 — Кесария Палестинская [по: 52, р. 235-246]; 12, 15, 18 — Восточное Средиземноморье [по: 47, Кат. 525, 528, 529]; 13 — Реджо Эмилия, Италия [по: 40, Кат. III, 28t]; 14 — Каллагис, Румыния [по: 67, Abb. 19]; 16 — могильник апсидов у церкви Шапки, Абхазия [по: 8, рис. 46,4]; 17 — Сирия [по: 46, Кат. 146]; 19 — Садовско-Кале, Болгария [по: 76, Taf. 8,9; 126,2]

Рис. 4. Византийские кресты VI-VII вв. с расширяющимися концами (1-10) и изображения крестов с растительным орнаментом на медальонах и архитектурных деталях раннесредневекового времени (11-16).
 1 — Афины [по: 51, Кат. 678]; 2, 3 — Болгария [по: 47, Кат. 526; 22, Abb. 122]; 4 — Венгрия, аварский могильник Балатонфюзфё-Самаша [по: 53, Taf. 38,1]; 5, 6 — Истрия [по: 66, fig. 23-25]; 7 — Константинополь [по: 73, fig. 12]; 8 — Керчь [по: 13, Кат. 143]; 9 — художественная галерея les Enluminures [по: 74, Кат. 14a]; 10 — Византия [по: 81, Кат. 53]; 11 — Михаэльсфельд [по: 13, Кат. 133]; 12 — Метилена, Лесбос; 13 — Византия [12, 13 — по: 73, fig. 2; 7]; 14 — Египет [по: 59, pl. 37,2]; 15, 16 — Кипр [по: 48, fig. 7]

падном Крыму бытовал упрощенный и более дешевый вариант византийских золотых крестов. Речь идет о полых бронзовых крестах, выделенных нами в тип 3-1b (рис. 2,6,8-11,13) [30, с. 159-161, рис. 1,21; 5]. Они сделаны в виде коробочки из трех деталей. Верхняя и нижняя пластины, вырезанные в форме креста с расширяющимися, раздвоенными концами, скреплены между собой узким ободком, к верхней стороне которого припаяна цилиндрическая петля, скрученная из пластины (рис. 3,1). В перекрестии напаяно цилиндрическое гнездо с укрепленной на пасте полусферической вставкой из желтого прозрачного стекла. Высота крестов 3,8-4,4 см, ширина 2,1-2,3 см. Большинство крестов этого типа были найдены плохо сохранившимися, разломанными на мелкие фрагменты (рис. 2,8-11,13). Они обнаружены в двух могильниках на Южном берегу Крыма — в Алонии (рис. 1,20; 2,6) и у с. Лучистое (рис. 1,15; 2,8-11,13). В Лучистом кресты лежали в склепах 207 и 268, в женских погребениях с орлиноголовыми пряжками 1 варианта (рис. 2,12,15), бытовавшими в Юго-Западном Крыму во второй половине VI в. [3, с. 21, рис. 12,1]. В Алонии крест найден в склепе 2, в погребении 3 с большой пряжкой с прямоугольным щитком с вытисненным изображением льва 6-го варианта (рис. 2,7). Такие пряжки носились в Крыму во второй половине VI — первой половине VII вв. [3, с. 26, рис. 16]. В склепе 2 указанное захоронение было совершено вдоль стены камеры. Одновременно или чуть позже рядом похоронили женщину с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта и мужчину с поясным геральдическим набором с прорезным декором [27, с. 156-159, рис. 9-12], датированным второй половиной VI в. [4, с. 34, рис. 9,10]. Учитывая стратиграфию захоронений и датировку инвентаря, время совершения интересующего нас погребения 3 следует ограничить второй половиной VI в. Таким образом, названные бронзовые кресты из Юго-Западного Крыма следует датировать второй половиной VI в.

Крымские бронзовые кресты копируют в дешевом материале драгоценные прототипы. Скорее всего, эти кресты были продукцией местного производства. Известно, что в раннесредневековое время в мастерских Юго-Западного Крыма в изобилии изготавливали различные аксессуары одежды и украшения [37, р. 165-167]. Судя по этим изделиям, местные ювелиры в совершенстве владели сложной технологией отливки крупных серебряных и бронзовых предметов, делали проволоку и тонкую золотую фольгу, применяли пайку, чеканку, тиснение, украшали изделия красным камнем или цветным стеклом, вставленным в цилиндрические гнезда. Бесспорно, для мастеров, владеющих такими навыками, изготовить бронзовые полые кресты не составляло большого труда. Одновременно с крестами в местных мастерских из тех же материалов (бронзовой пластины и желтого прозрачного стекла), в той же технике (пайка) и с таким же декором из стекла, вставленного в цилиндрические гнезда, делали несколько типов украшений — серьги с полым многогранником и различные подвески для ожерелий [31, с. 196-197, 208, рис. 2].

Две листовидные подвески (рис. 1,1,2) выполнены из серебра 800°-830° пробы и позолочены. Они состоят из пластины, в центре которой напаяно гнездо с выпуклой вставкой из темно-синего стекла, окаймленное филигранной нитью и зернью. Сверху припаяна петелька для подвешивания из узкой рифленой пластинки, снизу — проволочное колечко, предназначавшееся для крепления дополнительных украшений. Одна подвеска поломана — у нее отсутствуют петелька для подвешивания и проволочное колечко. Размеры подвесок 1,5x2,4 и 1,5x3,1 см, вес 3,11 и 3,47 г. Парные подвески листовидной формы были популярным украшением в византийских ожерельях. Они найдены в составе кладов рубежа VI-VII вв. из Кесарии Палестинской (рис. 3,10,11) [52, р. 235-246, fig. 293-294] и первой трети

VII в. из Ламбузы («Второй Кипрский клад») [64, р. 91, pl. 5,G]. Подобное украшение было подвешено к медальонам из разрушенного кочевнического погребения VII в., найденного в 1893 г. в Михаэльсфельде (ныне с. Джигинское) (рис. 4,11) [13, с. 98, кат. 133-134].

Бронзовая застежка (рис. 1,4) состоит из двух ажурных дисков, каждый из которых отлит с квадрифолием по центру и оконтурен полусферическими выступами, имитирующими зернь. Соединялись диски при помощи проволочных крючка и петельки, припаянных по бокам дисков. На противоположной стороне каждого диска крепилась проволочная петля, к которой привязывался конец нити с бусами. Длина застежки 6,6 см, диаметр дисков 1,8 и 1,9 см.

Аналогичные по форме и конструкции застежки характерны для византийских ожерелий и шейных цепочек VI-VII вв. (рис. 3,2; 6) [38, р. 117, fig. 50,1-4]. Декорировались эти застежки по-разному: внутри дисков помещали золотые монеты либо индикации с них, пластинчатые ажурные медальоны с растительным декором или стилизованными изображениями птиц (рис. 6,2) [70, р. 10, Pl. XII; 36, р. 298, fig. 36; 64, р. 90-91, pl. 5,E,H; 81, Cat. 53-66; 13, кат. 133, 135; 49, р. 52-53, pl. 1; 2; 74, р. 91-92, fig. 14a,1]. Особой популярностью пользовались застежки с помещенным внутри диска ажурным квадрифолием или шестилистником (воллютовидным орнаментом), спаянным из тонких проволочек. Ими застегнуты ожерелья рубежа VI-VII вв. из Кесарии Палестинской (рис. 3,2) и Асьюта (рис. 6,6) [47, S. 297, Kat. 492], середины VII в. из Панталлики (Сицилия) (рис. 6,4) [36, р. 312, fig. 286] и Венгрии (рис. 6,3) [53, Taf. 26,1], золотые цепи с различными подвесками первой трети VII в. из так называемого «Второго кипрского клада» (рис. 6,5) [64, р. 91, pl. 5,G], VII в. из Константинополя или Сирии [47, S. 305, Kat. 503], из Мерсина (рис. 6,7) [13, с. 100, кат. 137] и из Мадзара-дель-Валла (Сицилия) (рис. 6,1) [38, р. 130, pl. 22]. На Сардинии, в Корнуса найдена аналогичная серебряная застежка с остатками нити от бус в петлях [69, S. 83, Taf. 110,26,27].

Воллютовидный орнамент использовался не только на застежках. Известны византийские серьги с подвесками, сделанными в виде ажурного диска с филигранными воллутами (рис. 6,8) [56, р. 84-85, Kat. 23]. В Венгрии на аварских памятниках найдены аналогично украшенные медальоны, подражавшие византийским изделиям [53, S. 38, Taf. 15,1,2].

Бронзовая застежка из тешкли-бурунского клада относится к продукции массового производства, копировавшей в дешевом материале золотые византийские ювелирные украшения. Она выполнена в технике литья, в то время как аналогичные по форме и декору византийские ювелирные изделия спаяны из тонкой проволоки и украшены зернью.

Две подвески в форме створки раковины морского гребешка (рис. 1,5,7) вытиснены из тонкой золотой пластины. Сверху припаяна петелька, скрученная из узкой рифленой пластины. Размеры подвесок 1,5x1,9 см, вес 1,29 и 1,4 г. Для их изготовления использован металл 800°-830° пробы.

Подобные украшения, копирующие форму природного материала, известны с древности. Золотые подвески в виде раковины морского гребешка, объединенные в ожерелье, найдены в скифском кургане Огуз IV в. до н. э. (Херсонская область) [62, р. 90, cat. 70]. В Крыму подвески аналогичной формы бытовали с римского времени. Судя по количеству находок в некрополе Херсонеса, они были достаточно популярны у жителей города [6, с. 133, 135, рис. 20,14; 25, с. 183, рис. 46,2,4; 26, Fig. 23; 72, S. 267, Taf. LXIV,1]. Их использовали в ожерельях и, зачастую, парами. В могиле № 2577 Херсонесского некрополя на женском костяке *in situ* за-

чищено ожерелье, в состав которого входило несколько бусин из стекла, сердолика и янтаря, две подвески-лунницы и пара золотых подвесок-раковин [25, с. 158, № 2577]. В позднееримское время в Херсонесе носились и другие украшения в форме раковины морского гребешка — бляшки, штампованные из золотой фольги, которыми расшивали одежду [6, с. 134-135, рис. 20,15]. Известны также серьги, щитки которых имели идентичные публикуемым подвескам форму и размеры [19, с. 238, табл. 17,2766]. В раннесредневековое время подвески такой же формы отливали из бронзы или серебра. В юго-восточном районе Херсонеса около крепостной стены найдена каменная литейная форма для изготовления креста, медальона и подвески в виде створки раковины (рис. 5,1). В. В. Латышев отнес форму к ранневизантийскому времени по надписи на медальоне [18, с. 27-29]. А. Л. Якобсон датировал находку периодом не позднее IX-X вв. [35, с. 328-329, рис. 180,1]. Предметы, отличные в этой форме, составляли гарнитур, декорированный в едином стиле: петельки для подвешивания всех трех вещей украшены одинаковыми полусферическими выступами, имитирующими зернь. Скорее всего, все они предназначались для одного ожерелья (рис. 5,2). Медальон из набора служил амулетом, призванным отвращать от носящего беды и болезни. В центре медальона помещено поясное изображение человека в позе оранта, с крестами в руках, сопровождающееся прорезанной по контуру традиционной для византийских амулетов надписью +ΚΥΡΙΕ [Β]ΙΟΝΘΕΙ ΤΟΝ ΘΟΡ[Υ]Ν[ΤΑ +]ΑΜΗΝ («Боже, помоги носящему, аминь!») [18, с. 28]. Возможно, защитными функциями наделялась и подвеска в форме раковины. В могильнике у с. Лучистое в склепе 154 в женском погребении первой четверти VII в. найдена крышка византийского бронзового светильника, отлитая в форме морской раковины (рис. 5,3) [43, S. 74, Abb. 9,1,2]. Светильники с такими крышками были широко распространены в Восточном Средиземноморье в VI-VII вв. [70, Pl. XXV, No. 30; 47, S. 224-225, Kat. 332; 13, с. 124, 142, кат. 218, 222, 275]. Происходящая из Лучистого крышка была использована вторично, в costume женщины, в качестве подвески в низке бус и амулетов, соединявшей две фибулы [32, с. 89, рис. 6].

Следует отметить, что в раннесредневековое время в ожерельях часто носили подвески из одной или нескольких природных раковин каури (раковин моллюска *Cypraea moneta*). Подвески из небольших раковин моллюска *Cypraea moneta* с обрезанной лицевой частью считаются амулетами. По этнографическим данным, у среднеазиатских народов раковины каури предохраняли носящего от болезней и дурного глаза [12, с. 22]. На Кавказе у многих народов раковины каури связывались с лечебной предохранительной магией: их прикрепляли к больному месту, носили на шее, подвешивали к колыбели ребенка [16, с. 60-61, рис. 33]. В Северном Причерноморье раковины каури, привозившиеся из теплых тропических морей, использовались в ожерельях с эпохи античности [5, с. 27-28, 30-31, тип 7a]. В Юго-Западном Крыму во второй половине VI — первой половине VII вв. женщины и девочки часто включали в свои ожерелья по 1-4 подвески из раковин каури. В склепе 38 из могильника у с. Лучистое в одном из женских погребений второй половины VII в. найдено ожерелье, в состав которого входило 19 подвесок из раковин каури [3, табл. 132,2a; 185,1].

Треугольные бляшки-«городки» (рис. 1,6,8,9) спаяны из 6-8 трубочек, каждая из которых скручена из тонкой золотой рифленой пластины. Размер бляшек 1,6x1,7 см (рис. 1,9) и 2,0x2,2 см (рис. 1,6,8), вес 1,27-1,78 г. Для их изготовления использован металл 800°-830° пробы.

Такие бляшки характерны для женских погребений второй половины VI — третьей четверти VII вв. из Юго-Западного Крыма (рис. 7,6-10). Они найдены в Лучи-

Рис. 5. Раннесредневековая литейная форма для изготовления креста, медальона и подвески в виде раковины (1) и реконструкция ожерелья с предметами, отлитыми в ней (2); крышка византийского бронзового светильника в форме раковины, использовавшаяся в качестве подвески в ожерелье (3).

1 — Херсон, юго-восточный район [по: 80, Кат. 50]; 2 — реконструкция и рисунок автора; 3 — Лучистое, склеп 154, погребение 2 первой четверти VII в.

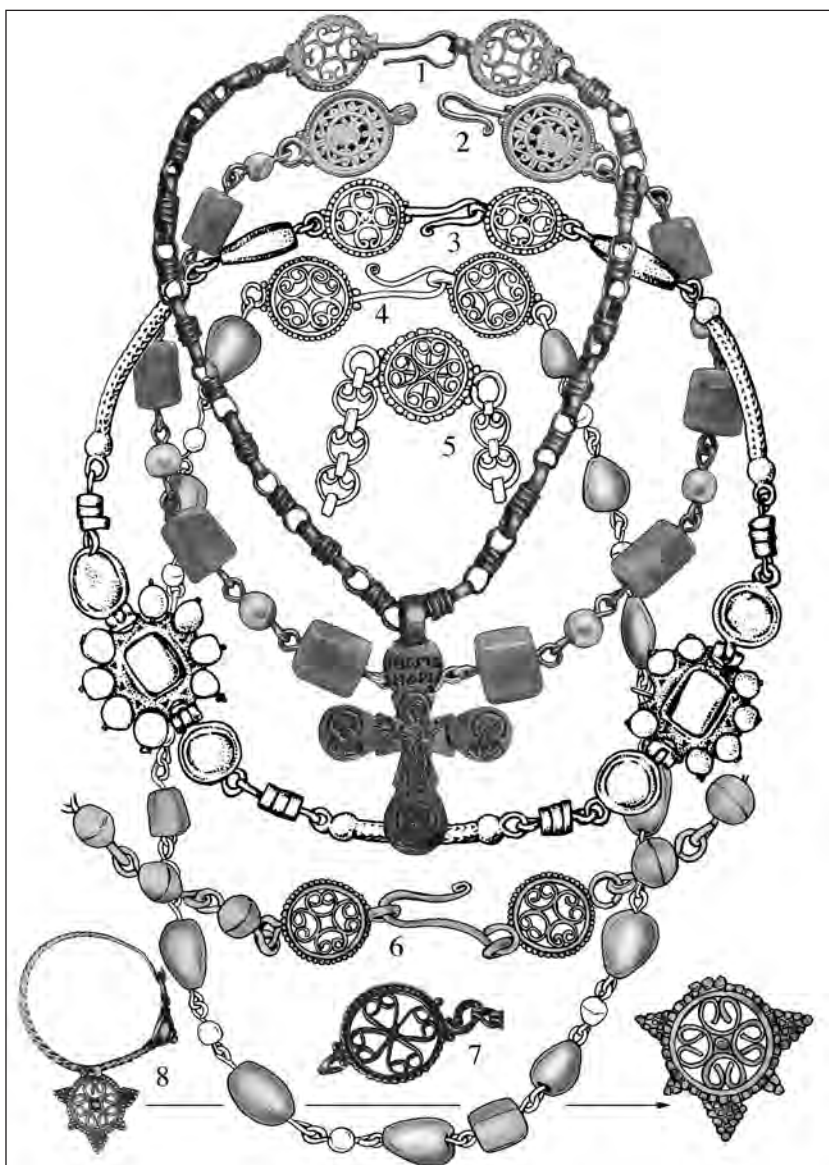

Рис. 6. Византийские золотые ажурные застежки VI-VII вв. (1-7) и серьга с ажурным диском VII в. (8).

- 1 — Мадзара-дель-Валла, Сицилия [по: 38, p. 130, pl. 22];
 2, 5 — Второй Кипрский клад [по: 81, pl. 44; 346, Cat. 23; 61];
 3 — Венгрия [по: 53, Taf. 26,1]; 4 — Сицилия, Панталика [по: 36, p. 312, fig. 286]; 6 — Асьют, Египет [по: 47, S. 297, Kat. 492]; 7 — Мерсин [по: 13, с. 100, кат. 137]; 8 — Византия [по: 56, p. 84-85, Kat. 23]

стом — в склепах 43, 102, 181, 207 и 268 [28, с. 343, рис. 3,1; 4, табл. 5,13,14], в Суук-Су — в склепах 46 и 56 и могилах 61 и 89 [24, рис. 5-6, табл. V,2,3], в Скалистом — в склепах 235, 258, 288, 420, 447 [7, рис. 22,38; 28,15; 36,16,17; 72,22-24; 80,14] и на Мангупе — на некрополе в балке Алмалык-Дере, в склепе с инвентарем VI в. [63, Taf. 13,4.1-4.4]. В тех случаях, где названные бляшки были зафиксированы *in situ*, они сопровождали погребения с большой пряжкой. Самые ранние бляшки происходят из погребений второй половины VI в. с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта или с пряжкой с прямоугольным щитком 6-го варианта, самые поздние — из захоронения третьей четверти VII в. с орлиноголовой пряжкой 4-го варианта.

Прототипы бляшек-«городков» известны в древностях сармат и алан. В богатых сарматских погребениях I — начала II вв. из Нижнего Подонья найдены аналогичные по форме, но вырезанные из пластины нашивные изделия (рис. 7,2) [15, с. 43, рис. 15]. По мнению И. П. Засецкой, орнамент из «городков», характерный для иранского мира, к периферии которого принадлежали и ираноязычные кочевники, в том числе и сарматы, не является простым отражением конкретных форм, а восходит к древневосточным орнаментам сакрального значения: ритмично повторенный мотив соответствует представлениям о культовом, защитном ограждении [15, с. 42, 120]. На серебряном кувшине из сарматского погребения I в. из могильника Высочино VII (около г. Азов) выгравирован пояс из трехступенчатых пирамидок, аналогичных по форме золотым бляшкам-«городкам» (рис. 7,1). Орнамент на кувшине также считается защитным по значению, ограждающим сакральное пространство [20, с. 58-59, кат. 43, рис. 2]. Наряду с плоскими пластинчатыми бляшками существовали и объемные, спаянные из нескольких рифленых трубочек «городки» небольших размеров (рис. 7,3). Они выявлены в погребениях сармат второй половины I — начала II вв. из Нижнего Поволжья [21, рис. 4,2] и сарматизированного варварского населения Юго-Западного Крыма римского времени [23, рис. 109,10; 113,8; 119,17,18].

Нашивные пластинчатые бляшки-«городки» найдены в Тунисе, в женском погребении второй половины V в. из Тубурбона Большого (*Thuburbo Majus*) (рис. 7,4) [65, p. 359, fig. 3; 55, p. 335, Cat. IV. 12a]. Эта могила, относящаяся к эпохе вандалов, считается аланской именно из-за бляшек, неизвестных в кругу вандалов Карпатского бассейна, но напротив очень популярных в кругу алан [17, с. 81; 71, p. 153, fig. 24]. По мнению М. И. Ростовцева, бляшки из Тубурбона Большого входили в состав колье, поскольку на них отсутствуют отверстия для пришивания [71, p. 153]. Однако на обороте пластин напаяны две цилиндрические трубочки (рис. 7,4a), явно предназначенные для пришивания (рис. 8,2,2a).

Во второй половине V в. на Боспоре и в Юго-Западном Крыму бытовали золотые прямоугольные или трапециевидные бляшки, спаянные из четырех рифленых трубочек, которыми расшивали горловину платья (рис. 8,3a). В конце V — VI вв. небольшими треугольными бляшками, спаянными из пяти рифленых трубочек, украшали свою одежду жительницы Боспора и Китея (рис. 7,5) [72, s. 253, fig. XXXVI,2]. В боспорском некрополе на склоне горы Митридат в плитовой могиле 1/1905 на скелете женщины на шейных позвонках лежали пятнадцать [33, с. 3; 1, с. 100, рис. 37,2], а в склепе 78 в погребении 8 — двенадцать золотых бляшек [14, табл. XVI,4; 34, с. 33]. Набор из 16 золотых бляшек и черного бисера найден в погребении из склепа 40 на некрополе Джурга-Оба, расположенном в километре к северу от городища Китей (рис. 8,1,1a) [50, p. 345, fig. 5,3]. Боспорские бляшки по размерам в два раза меньше происходящих из Юго-Западного Крыма, поэтому для украшения горловины их требовалось примерно в два раза больше. В целом, и на Боспоре и в Юго-Западном Крыму в женских платьях нашитые вдоль горловины треугольные золотые

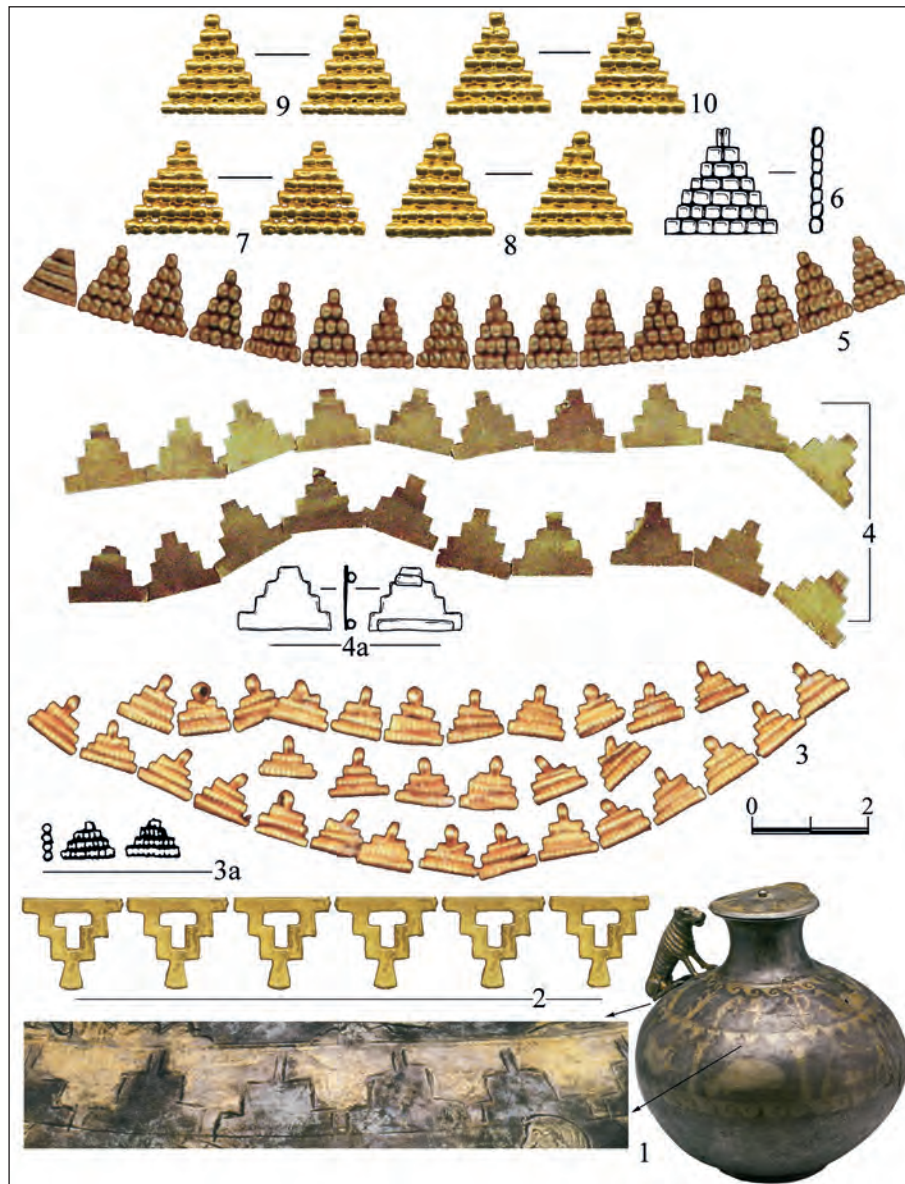

Рис. 7. Раннесредневековые бляшки-«городки» (4-10) и их прототипы в сарматских древностях I в. из Нижнего Подонья (1, 2) и Юго-Западного Крыма (3).
 1 — Азовский район, могильник Высочино-VII, курган 28, тайник 1 [по: 20, кат. 43]; 2 — Новочеркасск, курган Хохлач, тайник 2 [по: 15, кат. 35];
 3 — Усть-Альма, склеп 612 [по: 68, Кат. VII.26]; 4 — Тубурбон Бóльший [по: 65, fig. 3]; 5 — Джурга-Оба, склеп 40 [по: 50, fig. 5,3]; 6 — могильник у с. Лучистое, находки 1971 г. [по: 3, табл. 7,1]; 7-10 — Мангуп, могильник Алмалык-Дере, склеп 53/1997 [по: 63, Taf. 13,4.1-4.4]

Рис. 8. Реконструкции женского парадного костюма с нашивными украшениями горловины платья V — начала VI вв.
 1 — Джурга-Оба; 2 — Тубурбон Бóльший; 3 — Черная Речка, склеп 11 [реконструкция и рисунок автора]

бляшки занимали полосу длиной 16-18 см (рис. 8,1; 9,4). Несмотря на то, что форма бляшек традиционна для сармато-аланского костюма, в целом украшение горловины в раннесредневековое время больше соответствовало византийской моде. Сарматы и аланы одновременно расшивали разные части одежды, используя при этом наборы бляшек различных форм [23, с. 145-146]. В костюме женщин второй половины VI — VII вв. акцент делался на горловине платья. Она выделялась яркой полосой из черного бисера и крупных золотых бляшек.

Для датировки клада показательны крест VI — первой половины VII вв., каплевидные подвески и бронзовая застежка VI-VII вв., а также бляшки-«городки» второй половины VI — третьей четверти VII вв. Подвески, сделанные по форме природных материалов (рис. 1,5,7), не могут быть хронологическим индикатором. Такие изделия делали в разные эпохи и носили разные народы. Учитывая тот факт, что золотые кресты с гравировкой косыми линиями не известны позже середины VII в., а бляшки-«городки» появились в костюме населения Юго-Западного Крыма в середине VI в., время использования вещей тешкли-бурунского клада можно ограничить второй половиной VI — первой половиной VII вв. Обратим внимание на то, что гарнитур из креста, листовидных подвесок и застежки для ожерелья по составу, форме и способу изготовления отдельных деталей близок предметам из клада рубежа VI-VII вв., происходящего из Кесарии Палестинской (рис. 3,2,6,7,10,11; 9,1) [52, р. 235-246].

Реконструкция убора

По предположению А. Г. Герцена, входившие в состав тешкли-бурунского клада вещи «происходят из позднеантичных и раннесредневековых погребений, разграбленных при завершении первого и в начале второго этапа жизни крепости» [11, с. 134-135]. Не исключая такой интерпретации находок, обратим внимание на то, что в состав клада помимо золотых украшений входили бронзовая застежка (рис. 1,4) и несколько десятков бисерин из черного глухого стекла [57, р. 84, Cat. 141]. Средневековых грабителей не привлекали небольшие бронзовые вещи — именно они, вместе с железными предметами, остаются не тронутыми в разграбленных еще в древности погребениях. Бисер тоже вряд ли стал бы предметом грабежа — не только из-за его низкой ценности, но и из-за трудности «добывания». Мелкий, диаметром не более 0,3 см черный бисер едва различим в погребениях. Во время археологических раскопок для его сбора приходится тщательно перебирать и просеивать грунт. Трудно представить, чтобы этим занимались древние грабители.

В кладе, помимо креста — индивидуального предмета христианского культа, собраны золотые украшения, выполненные из металла одной пробы. Крест, листовидные подвески, бляшки-«городки» и бронзовая застежка относятся к одному хронологическому периоду. Гарнитур из креста, листовидных подвесок и застежки для ожерелья по составу, форме и способу изготовления отдельных деталей близок предметам из византийских кладов. Скорее всего, спрятанные в кладе вещи входили в состав убора, принадлежавшего одной женщине. При такой интерпретации находок легко объясняется присутствие в одном наборе с золотыми предметами и бронзовой застежки, и мелкого стеклянного бисера.

По способу ношения предметы из клада можно разделить на две группы. К первой отнесены крест, подвески и застежка, которые могли быть использованы в ожерелье; ко второй — бляшки-«городки» и стеклянный бисер, служившие для украшения горловины платья.

Нами представлен один из возможных вариантов реконструкции ожерелья с предметами из клада: с крестом по центру и с симметрично расположенными по бокам

от него подвесками — листовидными и в виде створок морских раковин (рис. 9,2). Все элементы ожерелья нанизывались на нить, концы которой крепились к петлям бронзовой застежки (рис. 1,4). Реконструкция сделана по аналогии с ожерельями, включавшими бронзовые кресты, найденными в женских погребениях VI в. в могильниках Алония и у с. Лучистое (рис. 9,3,4). Два ожерелья из Лучистого и Алонии составлены, в основном, из янтарных эллипсоидных уплощенных небольших бусин длиной 0,8-1,8 см (рис. 9,3). В ожерелье из Лучистого из склепа 207 к 30 янтарным бусинам были добавлены две стеклянные — сферическая из красного глухого стекла и эллипсоидная мозаичная, с орнаментом из глазков и четырехлистников. Длинное ожерелье из Алонии набрано из 86 янтарных бусин, двух десятков сферических и цилиндрических бусин из синего, красного, зеленого и желтого стекла, а также из десятка мозаичных эллипсоидных бусин. Ожерелья, в которых преобладали небольшие янтарные бусины и использовалось несколько одноцветных и полихромных стеклянных бусин, были характерны для женского костюма крымских готов во второй половине VI — первой половине VII вв. [29, с. 107-108, рис. 3,3; 8,2А; 11,2; 13,3; 61, р. 24, 40, fig. 13,II,III]. Ожерелье из Лучистого из склепа 268 составлено иначе: в нем крупные бусины из обработанной янтарной гальки чередуются с 14-гранными бусинами из темно-синего стекла (рис. 9,4). В погребениях из Лучистого бусы с крестами лежали в один ряд, а в Алонии — в три ряда. Длина нитей с бусами и подвесками из Лучистого равна 32 и 45 см, а из Алонии — около 100 см. Кресты располагались в центре ожерелий. В трехрядном ожерелье из Алонии крест подвесили по центру второго ряда. Обычно в низку бус включали по одному кресту (рис. 9,4). В ожерелье из Лучистого из склепа 207 подвесили четыре одинаковых креста (рис. 9,3).

В Юго-Западном Крыму большинство крестов происходит из погребений второй половины VI — IX вв. Известно, что в этот период жители региона хоронили умерших в прижизненной, как правило, парадной одежде вместе с носившимися при жизни украшениями и индивидуальными предметами христианского культа. Кресты выявлены только в захоронениях женщин и детей, в мужских погребениях они отсутствовали. Многие кресты были найдены на костяках *in situ*, на шейных позвонках и в верхней части грудной клетки, среди бус, что позволяет говорить об их ношении не на отдельном шнурке, а в составе ожерелья. Ношение креста в ожерелье или в качестве подвесок к украшениям — брошам или серьгам, было распространено в христианском мире в эпоху раннего средневековья. Судя по находкам из кладов, византийские «аристократки» носили богато украшенные золотые кресты на цепях вместе с различными подвесками и медальонами (рис. 6,1; 9,1) [64, р. 91, Pl. 5,Н-G]. В качестве примера использования креста в составе нагрудного украшения можно привести и тунику Батильды, супруги франкского короля Хлодвига II, умершей в 680 г. в основанном ею аббатстве Шелль. На передней стороне туники цветной шелковой нитью вышита имитация носившихся королевой в светской жизни богатых украшений, состоящих из нескольких колец, к которым подвешены медальоны и большой крест с инкрустацией [77, р. 100-101]. Ожерелья из стеклянных бусин, включавшие подвесные кресты, известны по находкам VI-VII вв. из византийской крепости Виминаций [60, р. 182-183, Pl. 22,134], из Сирии [46, Kat. 10], из погребений гепидов [45, S. 190, Taf. 124,10-14] и франков [41, р. 12-13, Fig. II; 79, р. 358-359].

Как нами было показано выше, золотые бляшки-«городки» найдены в Юго-Западном Крыму в женских погребениях второй половины VI — третьей четверти VII вв. В тех случаях, где положение бляшек было зафиксировано *in situ*, они лежали

Рис. 9. Реконструкции женского парадного убора второй половины VI — начала VII вв., в состав которого входит ожерелье с крестами с расширяющимися концами.

1 — Византия, Кесария Палестинская; 2-4 — Юго-Западный Крым (2 — Мангуп, тешкли-бурунский клад; 3 — Лучистое, склеп 207, погребение 5; 4 — Лучистое, склеп 268, погребение 8)
[реконструкции и рисунок автора]

в области шеи, отдельно от бус, относящихся к ожерелью, но вместе с несколькими сотнями бисерин из черного глухого стекла. Данное обстоятельство позволило нам говорить об использовании бляшек-«городков» в качестве нашивных украшений горловины платья.

Треугольные бляшки нашивались вдоль края горловины платья, вершиной кверху, а пространство между ними заполнялось стеклянным бисером (рис. 9,4). Получившийся в результате орнамент из чередующихся золотых треугольных бляшек и треугольников черного бисера занимал полосу шириной 1,8-2,5 см и длиной 20 см. Обычно для украшения горловины использовалось 7 или 8 бляшек и около 300 бисерин. В состав тешкли-бурунского клада входило 15 бляшек и более 60 бисерин. Бляшки из клада по размерам делятся на две группы: семь небольших (1,8x1,9 см) (рис. 1,9) и восемь более крупных (2,2x2,3 см) (рис. 1,6,8). Скорее всего, на горловине платья большие и маленькие бляшки чередовались, при этом одни располагались вершиной вверх, другие — вершиной вниз (рис. 1,10; 9,2). Свободное пространство между бляшками расшивалось черным бисером. Возможно, при сокрытии клада вместе с деталями ожерелья и крестом положили не отдельные бляшки и бисер, а полосу ткани с уже нашитыми предметами.

Приведенный вариант реконструкции убора (рис. 9,2) подразумевает использование вещей клада для двух отдельных видов украшений — ожерелья и обшивки горловины платья. Однако нельзя исключать возможность того, что все предметы клада образовывали единое шейное украшение, наподобие византийских составных ожерелий конца V в., происходящих из Египта (рис. 10,1,2). В этом случае, бляшки-«городки» не пришивались к ткани, а нанизывались вместе с бисером на несколько нитей, концы которых привязывались к петлям бронзовой застежки. Крест и четыре подвески почти неподвижно фиксировались на нижней нити, между основаниями больших треугольных бляшек-«городков». Такое украшение носилось на шее, поверх платья (рис. 10,3) и в собранном виде могло быть спрятано в клад.

Бесспорно, хозяйка вещей из тешкли-бурунского клада принадлежала зажиточному населению раннесредневекового города Дороса, локализуемого на плато Мангуп. В его состав входили золотые украшения весом около 35 г. Золотой крест — единственное, известное на сегодняшний день византийское ювелирное изделие подобного рода, найденное в Юго-Западном Крыму. Золотые бляшки-«городки» были исключительной принадлежностью парадного костюма замужних женщин гото-аланского населения. Они найдены только в самых богатых погребениях женщин с большой пряжкой — орлиноголовой или с прямоугольным щитком с вытисненным изображением льва. В захоронениях золотые бляшки всегда сопровождалась большими серебряными двупластинчатыми фибулами (рис. 9,4), а зачастую еще и золотыми серьгами с многогранником. На основании этого можно говорить о том, что и набор с крестом и бляшками-«городами» из тешкли-бурунского клада был собственностью замужней богатой женщины, которая носила его в соответствующем ее статусу парадном костюме.

В парадном уборе богатой жительницы раннесредневекового Дороса прослеживаются разные культурные традиции. В нем присутствуют как типичные для местного гото-аланского населения золотые нашивные украшения, так и привозные византийские ювелирные изделия и аксессуары. Сочетание традиционных элементов с византийской модой является характерной чертой женского костюма гото-аланского населения Юго-Западного Крыма второй половины VI — VII вв.

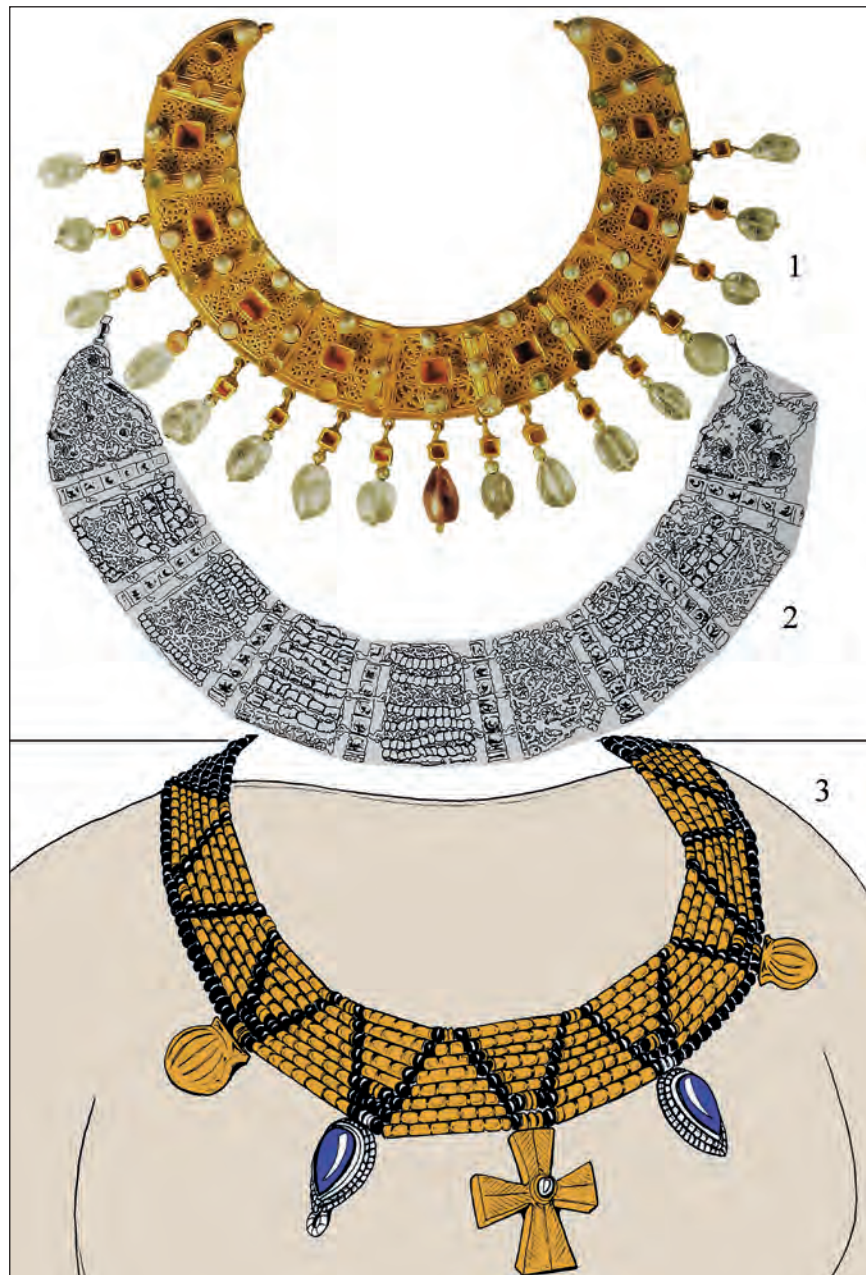

Рис. 10. Византийские украшения конца V в. из Египта (1, 2) и вариант реконструкции женского парадного убора по находкам из тешкли-бурунского клада (3) [1, 2 — по: 81, р. 210, Cat. 38; 3 — реконструкция и рисунок автора]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Айбабин А. И. О локализации области Дори // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 311-332.
3. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982-1984 гг. Симферополь, Керчь, 2008. 336 с. (Боспорские исследования. Suppl. 4).
4. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у с. Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993-1995 годов. Симферополь, Керчь, 2014. 400 с. (Боспорские исследования. Suppl. 14).
5. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982. 104 с. (САИ. Вып. Г1-12).
6. Белов Г. Д. Римские приставные склепы №№ 1013 и 1014 // ХСб. Севастополь, 1927. Вып. II. С. 105-146.
7. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 201 с.
8. Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука, 1975. 160 с.
9. Воронов Ю. Н. Древняя Аписия. Сухум: Алашара, 1998. 337 с.
10. Герцен А. Г. Исследования оборонительной системы Мангупа // Археологические открытия 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 261-263.
11. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 88-166.
12. Гущина И. И., Засецкая И. П. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
13. Залеская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства IV-VII вв.: каталог коллекции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. 271 с.
14. Засецкая И. П. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 394-478.
15. Засецкая И. П. Золотые украшения из кургана Хохлач — классические образцы сарматского полихромного звериного стиля I — начала II в. н. э. // Сокровища сармат: каталог выставки. СПб., Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2008. С. 29-43.
16. Иерусалимская А. А. Мошевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском Шелковом пути. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 384 с.
17. Кишш А. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура. Alanica III / Ред. В. Х. Тменов. Владикавказ, 1995. С. 79-98.
18. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895-1898 годах // МАР. СПб., 1899. № 23. 76 с.
19. Лепер Р. Х. Дневники раскопок Херсонесского некрополя // ХСб. Севастополь, 1927. Вып. II. С. 187-256.
20. Лукьяшко С. И. Древнеиранский космологический сюжет на серебряном кувшине из сарматского погребения у г. Азова // Сокровища сармат: каталог выставки. СПб., Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2008. С. 58-61.
21. Мордвинцева В. И., Сергацков И. В. Богатое сарматское погребение у станции Бердия // РА. 1995. № 4. С. 114-124.
22. Овчаров Д., Ваклинова М. Ранневизантийски паметници от България IV-VII век. София, 1978. 74 с.
23. Пуздровский А. Е. Крымская Скифия. II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
24. Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готы // ИАК. 1906. Вып. 19. С. 1-80.
25. Репников Н. И. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 году // ХСб. Севастополь, 1927. Вып. II. С. 147-186.
26. Скубетов М. Римский фамильный склеп II-IV веков по Р. Х., открытый в Херсонесе в 1907 году // ИТУАК. 1911. Т. 45. С. 38-49.
27. Турова Н. П., Черныш С. А. Раннесредневековый могильник Алония на Южном берегу Крыма // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 133-184.

28. Хайрединова Э. А. Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // ХСб. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 334-339.
29. Хайрединова Э. А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 91-133.
30. Хайрединова Э. А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 151-182.
31. Хайрединова Э. А. Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 187-216.
32. Хайрединова Э. А. Перстень-амулет первой четверти VII в. из Юго-Западного Крыма // АДСВ. 2014. Вып. 42. С. 69-89.
33. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 1-50.
34. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК. 1910. Вып. 35. С. 12-47.
35. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. № 63. 364 с.
36. Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century / Ed. K. Weitzmann. New-York, 1979. 736 p.
37. Aibabine A. I. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmérien et dans la Gothie de Crimée aux VIe-VIIIe s. // Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens. Saint-Germain-en-Laye, 1993. P. 163-170.
38. Baldini Lippolis I. Sicily and Southern Italy: Use and Production in the Byzantine Koiné // «Intelligible Beauty»: Recent Research on Byzantine Jewellery / Eds. Ch. Entwistle, N. Adams. British Museum Research, Publication 178. London, 2010. P. 123-132.
39. Bierbrauer V. Archeologia degli Ostrogoti in Italia // I Goti. Milano, 1994. P. 170-213.
40. Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab— und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975. 378 S.
41. Brown K. The gold breast chain from the early byzantine period in the Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz, 1984. 30 p.
42. Byzantium at Princeton. Byzantine Art and Archaeology at Princeton University / Eds. S. Ćurčić, A. St. Clair. Princeton, 1986. 150 p.
43. Chajredinova E. Byzantinische Elemente in der Frauentracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert // Byzanz — das Römerreich im Mittelalter / Hrsg. F. Daim, J. Drauschke. Mainz, 2010. S. 59-94. (Monographien des RGZM. Bd. 84,3).
44. Cradle of Christianity / Eds. Y. Israeli, D. Mevorach. Jerusalem: Israel Museum, 2000. 232 p.
45. Csallány D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454-568 u. Z.). Budapest, 1961.
46. Die Kunst der frühen Christen in Syrien. Zeichen, Bilder und Symbole vom 4. bis 7. Jahrhundert / Hrsg. M. Fansa, B. Bollmann. Mainz am Rhein: Verlag Philipp Zabern, 2008. 220 S.
47. Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe / Hrsg. L. Wamser. München, 2004. 475 S.
48. Doria N. Liturgical Furnishings from Early Christian Basilicas of Cyprus (4th-7th Century) // Cahiers du Centre d'Etudes Chypriotes. 2013. Vol. 43. P. 155-174.
49. Drauschke J. Byzantine Jewellery? Amethyst Beads in East and West during the Early Byzantine Period // «Intelligible Beauty»: Recent Research on Byzantine Jewellery / Eds. Ch. Entwistle, N. Adams. British Museum Research, Publication 178. London, 2010. P. 50-60.
50. Ermolin A. Džurga-Oba — a cemetery of the Great migration period in the Cimmerian Bosphorus // The Pontic-Danubian realm in the period of the Great migration / Eds. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris, Beograd: ACHByz, 2012. P. 339-348.
51. Everyday Life in Byzantium / Ed. D. Papanikola-Bakirtzi. Athens, 2002. 600 p.
52. Frova A. Il tesoretto aureo e il reliquiario // Scavi di Caesarea Maritima. Milano, 1965. P. 235-246.
53. Garam Ę. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts // Monumenta Avarorum Archaeologica. Budapest, 2001. No. 5. 432 S.
54. Gerzen A. G. Der Schatz von Teschliburun (aus den Grabungen von Mangup) // Unbekannte Krim / Hrsg. T. Werner. Heidelberg, 1999. P. 151-152.
55. Ghalia T. The Grave Goods of Thuburbo Maius // Rome and the Barbarians. The Birth of a new World. Milano, 2008. P. 334-336.
56. Gonosova A., Kondoleon Ch. Art of Late Rome and Byzantium in the Virginia Museum of Fine Art. Richmond: Virginia Museum of Fine Art, 1994. 445 p.
57. Guertsen A. Le trésor de Techkliburoun provenant des fouilles de Mangoup // Archéologie de la Mer Noire. La Crimée à l'époque des Grandes Invasions, IV-VIII siècles. Caen, 1997. P. 83-84.
58. Herzen A. G. Tesoro di Teškliburun, scavi di Mangup // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano: Electa, 1995. P. 196-197.
59. Heurgon J. Le trésor de Ténès. Paris, 1958. 75 p.
60. Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations. Paris, 2006. 351 p.
61. Khairédinova E. Le costume des barbares aux cinquièmes septentrionaux de Byzance (VI-VII siècles) // Kiev — Cherson — Constantinople / Eds. A. Aibabin, H. Ivakin. Kiev, Simferopol, Paris, 2007. P. 11-44.
62. Kozak D. N. Gli Sciti // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano: Electa, 1995. P. 58-95.
63. Maćzyńska M., Gercen A., Ivanova O., u. a. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almylyk-Dere am Fusse des Mangu auf der Südwestkrim. Mainz, 2016. 214 S. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 115).
64. Manière-Lévêque A.-M. L'évolution des bijoux « aristocratiques » féminins à travers les trésors proto-byzantins d'orfèvrerie // Revue Archéologique. 1997. No. 1. P. 79-106.
65. Merlin A. Découvertes à Thuburbo Majus // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 56e année. No. 5. 1912. P. 347-360.
66. Nicolescu C. Moștenirea artei Bizantine în România. București, 1971.
67. Pillinger R. Ein frühchristliches Grab mit Psalmenzitate in Mangalia / Kallatis (Rumänien) // Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter / Hrsg. R. Pillinger, A. Pülz, H. Vetter. Wien, 1992. S. 97-102.
68. Puzdrovskij A. Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten. Bonn: Primus Verlag, 2013. S. 290-323.
69. Riemer E. Romanische Grabfunde des 5.-8. Jahrhunderts in Italien // Internationale Archäologie. Rahden, 2000. Bd. 57. 485 p.
70. Ross M. Catalogue of the Byzantine and early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. II. Washington: Harvard University, 1965. 144 p.
71. Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch // Monuments et mémoires. Paris: Editions Ernest Leroux, 1923. T. XXVI. P. 99-163.
72. Ruxer M. S., Kubczak J. Naszyjnik grecki w okresie hellenistycznym i rzymskim. Warszawa, Poznan, 1972. 274 p.
73. Spier J. A Byzantine Pendant in the J. Paul Getty Museum // The J. Paul Getty Museum Journal. 1987. Vol. 15. P. 5-14.
74. Spier J. Byzantium and the West: Jewelry in the First Millennium. London, Paris, Chicago, New York: Paul Holberton Publishing, 2012. 208 p.
75. Theodorescu R. Un mileniu de artă la Dunărea de Jos (400-1400). București, 1976.
76. Uense S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien) // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. München, 1992. Bd. 43. 600 S.
77. Vallet F. De Clovis à Dagobert. Les Mérovingiens // Découvertes Gallimard. Paris, 1997. No. 268. 176 p.
78. Vinski Z. Krstoliki nakit epohe seobe naroda u Jugoslaviji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. 1968. Vol. III. P. 103-166.
79. Vrielynck O. The «Lady» of Grez-Doiceau (Belgium) // Rome and the Barbarians. The Birth of a new World / Ed. J.-J. Aillagon. Milano, 2008. P. 358-359.
80. Yashaeva T., Denisova E., Ginkut N., Zaleskaya V., Zhuravlev D. The Legacy of Byzantine Cherson. Sevastopol, Austin, 2011. 708 p.
81. Yeroulanou A. Datria. Gold pierced-work jewellery from the 3rd to the 7th century. Athens: Benaki Museum, 1999. 320 p.

REFERENCES

- Aibabin A. I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
- Aibabin A. I. O lokalizatsii oblasti Dori. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2015, Vol. XX, pp. 311-332.
- Aibabin A. I., Khairedinova E. A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982-1984 gg.* Simferopol, Kerch, 2008, 336 p. (Bosporskie issledovaniia. Suppl. 4).
- Aibabin A. I., Khairedinova E. A. *Mogil'nik u s. Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993-1995 godov.* Simferopol, Kerch, 2014, 400 p. (Bosporskie issledovaniia. Suppl. 14).
- Alekseeva E. M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia*. Moscow, 1982, 104 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vol. G1-12).
- Belov G. D. Rimskie pristavnye sklepy №№ 1013 i 1014. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1927, Vol. II, pp. 105-146.
- Veimarn E. V., Aibabin A. I. *Skalistinskii mogil'nik*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 201 p.
- Voronov Iu. N. *Taina Tsebel'dinskoi doliny*. Moscow, Nauka Publ., 1975, 160 p.
- Voronov Iu. N. *Drevniaia Apsiliia*. Sukhum, Alashara Publ., 1998, 337 p.
- Gertsen A. G. Issledovaniia oboronitel'noi sistemy Mangupa. *Arkheologicheskie otkrytiia 1979 goda*, Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 261-263.
- Gertsen A. G. Krepstonoi ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, Vol. I, pp. 88-166.
- Gushchina I. I., Zasetskaia I. P. "Zolotoe kladbishche" rimskoi epokhi v Prikuban'e. S-Petersburg, Farn Publ., 1994, 172 p.
- Zalesskaia V. N. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva IV-VII vv.: katalog kollektzii*. S-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2006, 271 p.
- Zasetskaia I. P. Datirovka i proiskhozhdenie pal'chatykh fibul Bosporskogo nekropolia ranne- srednevekovogo perioda. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI, pp. 394-478.
- Zasetskaia I. P. Zolotyie ukrasheniia iz kurgana Khokhlach — klassicheskie obraztsy sarmatskogo polikhromnogo zverinogo stilia I — nachala II v. n. e. *Sokrovishcha sarmat: katalog vystavki*, S-Petersburg, Azov, Azovskii muzei-zapovednik Publ., 2008, pp. 29-43.
- Ierusalimskaia A. A. *Moshchevaia Balka. Neobychnyi arkheologicheskii pamiatnik na Severokavkazskom Shelkovom puti*. S-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2012, 384 p.
- Kishsh A. Opyt issledovaniia arkheologicheskikh pamiatnikov alan v Zapadnoi Evrope i Severnoi Afrike. Tmenov V. Kh. (Ed.), *Alany: istoriia i kul'tura. Alanica III*, Vladikavkaz, 1995, pp. 79-98.
- Latyshev V. V. Grecheskie i latinskie nadpisi, naidennye v Iuzhnoi Rossii v 1895-1898 godakh. *Materialy po arkheologii Rossii*, S-Petersburg, 1899, No. 23, 76 p.
- Leper R. Kh. Dnevnik raskopok Khersonesskogo nekropolia. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1927, Vol. II, pp. 187-256.
- Luk'iashko S. I. Drevneiranskii kosmologicheskii siuzhet na serebrianom kuvshine iz sarmatskogo pogrebeniia u g. Azova. *Sokrovishcha sarmat: katalog vystavki*, S-Petersburg, Azov, Azovskii muzei-zapovednik Publ., 2008, pp. 58-61.
- Mordvintseva V. I., Sergatskov I. V. Bogatoo sarmatskoe pogrebenie u stantsii Berdiia. *Rossiiskaia arkheologiia*, 1995, No. 4, pp. 114-124.
- Ovcharov D., Vaklinova M. *Rannovizantiiski pametnitsi ot B'lgarii IV-VII vek*. Sofia, 1978, 74 p.
- Puzdrovskii A. E. *Krymskaia Skifiia. II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki*, Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007, 480 p.
- Repnikov N. I. Nekotorye mogil'niki oblasti krymskikh gotov. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, Moscow, 1906, Vol. 19, pp. 1-80.
- Repnikov N. I. Dnevnik raskopok Khersonesskogo nekropolia v 1908 godu. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1927, Vol. II, pp. 147-186.
- Skubetov M. Rimskii famil'nyi sklep II-IV vekov po R. Kh., otkryty v Khersonese v 1907 godu. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1911, T. 45, pp. 38-49.
- Turova N. P., Chernysh S. A. Rannesrednevekovyi mogil'nik Aloniia na Iuzhnom beregu Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2015, Vol. XX, pp. 133-184.
- Khairedinova E. A. Zhenskii kostium s bol'shimi priazhkami s khristianskoi simbolikoi iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1999, Vol. X, pp. 334-339.
- Khairedinova E. A. Zhenskii kostium s iuzhnokrymskimi orlinogolovymi priazhkami. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2000, Vol. VII, pp. 91-133.
- Khairedinova E. A. Rannesrednevekovye kresty iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 151-182.
- Khairedinova E. A. Bronzovye ser'gi s polym mnogogrannikom iz mogil'nika u s. Luchistoe. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2013, Vol. XVIII, pp. 187-216.
- Khairedinova E. A. Persten'-amulet pervoi chetverti VII v. iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2014, Vol. 42, pp. 69-89.
- Shkorpil V. V. Otchet o raskopkakh v g. Kerchi v 1905 godu. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, Moscow, 1909, Vol. 30, pp. 1-50.
- Shkorpil V. V. Otchet o raskopkakh v g. Kerchi i na Tamanskom poluostrove v 1907 g. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, Moscow, 1910, Vol. 35, pp. 12-47.
- Iakobson A. L. Rannesrednevekovyi Khersones. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1959, No. 63, 364 p.
- Weitzmann K. (Ed.), *Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century*. New-York, 1979, 736 p.
- Aibabine A. I. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmérien et dans la Gothie de Crimée aux VIe-VIIIe s. *Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens*, Saint-Germain-en-Laye, 1993, pp. 163-170.
- Baldini Lippolis I. Sicily and Southern Italy: Use and Production in the Byzantine Koiné // Entwistle Ch., Adams N. (Eds.), *«Intelligible Beauty»: Recent Research on Byzantine Jewellery. British Museum Research, Publication 178*, London, 2010, pp. 123-132.
- Bierbrauer V. Archeologia degli Ostrogoti in Italia. *I Goti*, Milano, 1994, pp. 170-213.
- Bierbrauer V. *Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien*. Spoleto, 1975, 378 p.
- Brown K. *The gold breast chain from the early byzantine period in the Römisch-Germanisches Zentralmuseum*. Mainz, 1984, 30 p.
- Čurčić S., Clair A. St. (Eds.), *Byzantium at Princeton. Byzantine Art and Archaeology at Princeton University*. Princeton, 1986, 150 p.
- Chajredinova E. Byzantinische Elemente in der Frauentracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert. Daim F., Drauschke J. (Hrsg.), *Byzanz — das Römerreich im Mittelalter*, Mainz, 2010, pp. 59-94. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 84,3).
- Israeli Y., Mevorach D. (Eds.), *Cradle of Christianity*. Jerusalem, Israel Museum Publ., 2000, 232 p.
- Csallány D. *Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454-568 u. Z.)*. Budapest, 1961.
- Fansa M., Bollmann B. (Hrsg.), *Die Kunst der frühen Christen in Syrien. Zeichen, Bilder und Symbole vom 4. bis 7. Jahrhundert*. Mainz am Rhein, Verlag Philipp Zabern, 2008, 220 p.
- Wamser L. (Hrsg.), *Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe*. München, 2004, 475 p.
- Doria N. Liturgical Furnishings from Early Christian Basilicas of Cyprus (4th-7th Century). *Cahiers du Centre d'Etudes Chypriotes*, 2013, Vol. 43, pp. 155-174.
- Drauschke J. Byzantine Jewellery? Amethyst Beads in East and West during the Early Byzantine Period. Entwistle Ch., Adams N. (Eds.), *«Intelligible Beauty»: Recent Research on Byzantine Jewellery. British Museum Research, Publication 178*, London, 2010, pp. 50-60.
- Ermolin A. Džurga-Oba — a cemetery of the Great migration period in the Cimmerian Bosporus. Ivanišević V., Kazanski M. (Eds.), *The Pontic-Danubian realm in the period of the Great migration*, Paris, Beograd, ACHByz Publ., 2012, pp. 339-348.
- Papanikola-Bakirtzi D. (Ed.), *Everyday Life in Byzantium*, Athens, 2002, 600 p.
- Frova A. Il tesoretto aureo e il reliquiario. *Scavi di Caesarea Maritima*, Milano, 1965, pp. 235-246.

53. Garam È. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. *Monumenta Avarorum Archaeologica*, Budapest, 2001, No. 5, 432 p.
54. Gerzen A. G. Der Schatz von Teschkliburun (aus den Grabungen von Mangup). Werner T. (Hrsg.), *Unbekannte Krim*, Heidelberg, 1999, pp. 151-152.
55. Ghalia T. The Grave Goods of Thurburbo Maius. *Rome and the Barbarians. The Birth of a new World*, Milano, 2008, pp. 334-336.
56. Gonosova A., Kondoleon Ch. *Art of Late Rome and Byzantium in the Virginia Museum of Fine Art*. Richmond, Virginia Museum of Fine Art Publ., 1994, 445 p.
57. Guertsen A. Le trésor de Techkliburoun provenant des fouilles de Mangoup. *Archéologie de la Mer Noire. La Crimée à l'époque des Grandes Invasions, IV-VIII siècles*, Caen, 1997, pp. 83-84.
58. Herzen A. G. Tesoro di Teškliburun, scavi di Mangup. *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero*, Milano, Electa Publ., 1995, pp. 196-197.
59. Heurgon J. *Le trésor de Ténès*. Paris, 1958, 75 p.
60. Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations*. Paris, 2006, 351 p.
61. Khaïredinova E. Le costume des barbares aux cinquièmes septentrionaux de Byzance (VI-VII siècles). Aibabin A., Ivakin H. (Eds.), *Kiev — Cherson — Constantinople*, Kiev, Simferopol, Paris, 2007, pp. 11-44.
62. Kozak D. N. Gli Sciti. *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero*, Milano, Electa Publ., 1995, pp. 58-95.
63. Maćzyńska M., Gercen A., Ivanova O., u. a. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangu auf der Südwestkrim*. Mainz, 2016, 214 p. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 115).
64. Manière-Lévêque A.-M. L'évolution des bijoux « aristocratiques » féminins à travers les trésors proto-byzantins d'orfèvrerie. *Revue Archéologique*, 1997, No. 1, pp. 79-106.
65. Merlin A. Découvertes à Thurburbo Majus. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 56e année*, 1912, No. 5, pp. 347-360.
66. Nicolescu C. *Moștenirea artei Bizantine în România*. București, 1971.
67. Pillinger R. Ein frühchristliches Grab mit Psalmenzitaten in Mangalia / Kallatis (Rumänien). Pillinger R., Pülz A., Vettters H. (Hrsg.), *Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter*, Wien, 1992, pp. 97-102.
68. Puzdrovskij A. Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten*, Bonn, Primus Verlag, 2013, pp. 290-323.
69. Riemer E. Romanische Grabfunde des 5.-8. Jahrhunderts in Italien. *Internationale Archäologie*, Rahden, 2000, Bd. 57, 485 p.
70. Ross M. *Catalogue of the Byzantine and early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. II*. Washington, Harvard University Press, 1965, 144 p.
71. Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch. *Monuments et mémoires*, Paris, Editions Ernest Leroux, 1923, T. XXVI, pp. 99-163.
72. Ruxer M. S., Kubczak J. *Naszyjnik grecki w okresie hellenistycznym i rzymskim*. Warszawa, Poznan, 1972, 274 p.
73. Spier J. A Byzantine Pendant in the J. Paul Getty Museum. *The J. Paul Getty Museum Journal*, 1987, Vol. 15, pp. 5-14.
74. Spier J. *Byzantium and the West: Jewelry in the First Millennium*. London, Paris, Chicago, New York, Paul Holberton Publ., 2012, 208 p.
75. Theodorescu R. *Un mileniu de artă la Dunărea de Jos (400-1400)*. București, 1976.
76. Uense S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). *Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte*, München, 1992, Bd. 43, 600 p.
77. Vallet F. De Clovis à Dagobert. *Les Mérovingiens. Découvertes*. Gallimard, Paris, 1997, No. 268, 176 p.
78. Vinski Z. Krstoliki nakit epohe seobe naroda u Jugoslaviji. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*, 1968, Vol. III, pp. 103-166.
79. Vrielynck O. The «Lady» of Grez-Doiceau (Belgium). Aillagon J.-J. (Ed.), *Rome and the Barbarians. The Birth of a new World*, Milano, 2008, pp. 358-359.

80. Yashaeva T., Denisova E., Ginkut N., Zalesskaya V., Zhuravlev D. *The Legacy of Byzantine Cherson*. Sevastopol, Austin, 2011, 708 p.
81. Yeroulanou A. *Diatra. Gold pierced-work jewellery from the 3rd to the 7th century*. Athens, Benaki Museum Publ., 1999, 320 p.

Хайрединова Э. А.

**Парадный убор жительницы раннесредневекового Дороса
(по находкам из тешкли-бурунского клада)**

Резюме

Среди находок, характеризующих женский парадный костюм раннесредневекового населения Юго-Западного Крыма, особого внимания заслуживают предметы, найденные А. Г. Герценом в 1978 г. на плато Мангуп на мысе Тешкли-Бурун в составе клада. В статье, наряду с подробной характеристикой предметов — их атрибуцией, датировкой и выявлением круга аналогий, предлагаются варианты реконструкции парадного убора, включавшего украшения из клада. Для датировки клада показательны крест VI — первой половины VII вв., каплевидные подвески и бронзовая застежка VI-VII вв., а также бляшки-«городки» второй половины VI — третьей четверти VII вв. Учитывая тот факт, что золотые кресты с гравировкой косыми линиями не известны позже середины VII в., а бляшки-«городки» появились в костюме населения Юго-Западного Крыма в середине VI в., время использования вещей тешкли-бурунского клада можно ограничить второй половиной VI — первой половиной VII вв.

Хозяйка вещей тешкли-бурунского клада принадлежала зажиточному населению раннесредневекового города Дороса, локализуемого на плато Мангуп. В его состав входили золотые украшения весом около 35 г. Золотой крест — единственное, известное на сегодняшний день византийское ювелирное изделие подобного рода, найденное в Юго-Западном Крыму. Золотые бляшки-«городки» были исключительной принадлежностью парадного костюма замужних женщин гото-аланского населения. Они найдены только в самых богатых погребениях женщин с большой пряжкой, всегда сопровождалась большими серебряными двупластинчатыми фибулами, а зачастую еще и золотыми серьгами с многогранником. На основании этого можно говорить о том, что и набор с крестом и бляшками-«городами» из тешкли-бурунского клада был собственностью замужней богатой женщины, которая носила его в соответствующем ее статусу парадном костюме.

В парадном уборе богатой жительницы раннесредневекового Дороса прослеживаются разные культурные традиции. В нем присутствуют как типичные для местного гото-аланского населения золотые нашивные украшения, так и привозные византийские ювелирные изделия и аксессуары. Сочетание традиционных элементов с византийской модой является характерной чертой женского костюма гото-аланского населения Юго-Западного Крыма второй половины VI — VII вв.

Keywords: Византия, раннесредневековый Крым, Дорос, гото-аланы, костюм, византийские кресты, византийские украшения, бляшки-«городки».

Khairedinova E. A.

**Parade Attire of a Woman Residing in Mediaeval Doros
(According to the Finds from the Teshkli-Burun Hoard)**

Summary

Among the finds describing parade costume of female residents of the early mediaeval population of the South-Western Crimea especial attention demand the artefacts discovered by A. G. Gertsen in 1978 on the plateau of Mangup, on Teshkli-Burun promontory, within a hoard. This article combines detailed description of the artefacts with their attribution, dating, search for the circle of possible analogies, and suggests variants of reconstruction of the parade attire including ornaments from the hoard. Important for the dating of the hoard are the cross from the sixth or the first half of the seventh century, drop-shaped pendants and bronze clasp from the sixth and seventh centuries, and triangular “skittles” (“gorodki”) badges from the second half of the sixth to the third quarter of the seventh century. Taking into account that gold crosses with engraving of

oblique lines are not known later than the mid-seventh century, and that triangular "skittles" badges appeared in the costume of the South-Western Crimean population in the mid-sixth century, the date when the artefacts of the Teshkli-burun hoard were used could be restricted to the second half of the sixth or the first half of the seventh century.

The owner of the Teshkli-Burun hoard belonged to wealthy population of the early mediaeval town of Doros, located on the plateau of Mangup. The hoard comprised gold ornaments weighing about 35 g. The gold cross is the only known so far piece of Byzantine jewellery of the kind discovered in the South-Western Crimea. Gold triangular "skittles" badges only belonged to parade costume of married Gotho-Alanic women. They were found exclusively in the richest burials of women which contained a big buckle and were always accompanied with big silver radiate-headed brooches and often with gold earrings with polyhedral beads. This is the reason to suppose that the set with a cross and triangular pendants from the hoard of Teshkli-Burun was owned by a rich married woman who wore it in parade costume, appropriate for her high status.

Parade attire of a rich woman residing in mediaeval Doros combined different cultural traditions. It comprised typical local Gotho-Alanic gold sewn ornaments and imported Byzantine jewellery and accessories. The combination of traditional elements with Byzantine fashion is a typical feature of female costume of the Gotho-Alanic population of the South-Western Crimea from the sixth to seventh centuries AD.

Keywords: Byzantium, early mediaeval Crimea, Doros, Gotho-Alans, costume, Byzantine crosses, Byzantine ornaments, triangular "skittles" pendants.

Н. И. БАРМИНА

МОЗАИКИ И ФРЕСКИ МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ

Введение. Изменение исторических условий и развитие архитектуры предопределили специфику генезиса и становления христианской художественной культуры. Ее первые сооружения получили распространение первоначально на территории центральных провинций Римской империи и затем повсюду, где велась проповедь христианства. Базилика как первый христианский храм представляет собой микро-модель небесного Иерусалима: она одухотворялась соборной любовью, являясь местом приобщения к вере и встречи с Богом, единым, живым и непостижимым. Поэтому при проектировании и строительстве церкви первоочередное внимание уделялось организации ее внутреннего пространства.

В ранневизантийской архитектуре тип базиликального храма быстро занял ведущее место в Греции [43, с. 74-78; 57, с. 76], Далмации [21, с. 7-32; 30, с. 588], Италии [37, с. 9-29; 38, с. 120-121; 41, с. 54-57], Малой Азии [31, с. 62-67], Закавказье [4, с. 133-139; 5; 40], в Причерноморье и на Северном Кавказе. Ему было суждено стать своеобразной «мастерской», где апробировались основные приемы и утверждались правила церковной архитектуры и искусства. Благодаря своим выразительным средствам базилика приводила паству в такое психологическое состояние, которое способствовало восприятию Слова Божьего. Таким образом, формировалось искусство «прямого и безоговорочного воздействия на души зрителей» [57, с. 82].

К середине VI в. христианское искусство эволюционировало в сторону орнаментально-декоративной упрощенности, со своими понятиями и символами. По мнению Д. С. Лихачева, возникновение новых черт было связано с утверждением всеобъемлющей системы условности, которая уже начала пронизывать жизнь средневекового общества, его идеологию и художественное мировоззрение [52, с. 85].

Средневековому канону был присущ отказ от реалистической трактовки мира: носителем информации для прихожан выступали символы, изображавшие библейские сюжеты и духовные ценности христианства. Следует согласиться с точкой зрения О. Демуса, который, указывая на единство формы храма-базилики и ее живописи, подчеркивал, что «физическое пространство, охваченное нишей, и это пространство включено в роспись» [29, с. 13]. Для насыщения базилики «боговдохновенной информацией» и создания в ней соответствующей художественной ауры служили мозаики и фрески. Посредством образов новообращенные могли обрести опыт сопереживания; через видовой ряд их учили «читать» и понимать библейские сюжеты.

Безусловно, прав Р. Оустерхаут, полагающий, что храм был готов только тогда, когда заканчивалось его внутреннее художественное оформление [56, с. 248]. Для этого требовались «зографы», как мастера мозаичного дела, и «фрескисты», как специалисты в исполнении стеновых росписей. Эти художники должны были уметь мыслить пространственно, четко представлять себе форму изображаемого предмета и профессионально использовать средства мозаичной и фресковой живописи для передачи объема и сюжета [71, р. 386-388]. Д. Т. Райс, отмечая сложность и интеллектуальность